КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ*

Розин М.Д., Южный федеральный университет, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, *idpr@bk.ru*

Свечкарев В.П., Южный федеральный университет, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, *val.svecha@yandex.ru*

Юсов С.В., Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, *yusov-sv@yandex.ru*

В статье обосновывается актуальность исследования проблем самодетерминации преступности. В контексте анализа проблемных аспектов криминологии продемонстрирована целесообразность использования аппарата когнитивного моделирования. Отмечено, что самой распространенной когнитивной моделью, используемой аналитиком в качестве обобщенного прототипа, или «мыслительной модели» процесса самодетерминации преступности, является модель в виде простого контура с положительной обратной связью. Уровень самодетерминации системы в модели определяется степенью смысловой и каузальной интегрированности факторов. Представлена когнитивная модель процесса самодетерминации преступности на основе акселераторов преступлений. Показано, что увеличение дополнительных контуров на основе акселераторов преступлений ведет к росту потенциала самодетерминации профессиональной преступности. Разработана когнитивная модель процесса самодетерминации преступности с кумулятивным контуром. В ней формируются новые узлы критических взаимодействий, взаимоувязанные сложной системой прямых и обратных корреляций и провоцирующие повышенную опасность для общества и криминогенный характер его социально-политической динамики. Отмечено, что аппарат когнитивного анализа, позволяющий осуществить переход от построения частных моделей к созданию нового понятийно-категориального, а также концептуального аппарата, на базе которого и будет строиться методологический конструкт противодействия росту профессиональной преступности.

Ключевые слова: анализ, преступность, когнитивные модели, самодетерминация, обратная связь, акселераторы преступлений, кумулятивный контур.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-30-2-117-122

UDC 343.9.01

COGNITIVE ANALYSIS OF SELF-DETERMINATION OF CRIME*

Rozin M.D., Southern Federal University, North Caucasus Science Center high school, Russian Federation, Rostov-on-Don, *idpr@bk.ru*

Svechkarov V.P., Southern Federal University, North Caucasus Science Center high school, Russian Federation, Rostov-on-Don, *val.svecha@yandex.ru*

Yusov S.V., South-Russian institute Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Rostov-on-Don, *yusov-sv@yandex.ru*

The article substantiates the relevance of the study of problems of self-determination of crime. We have demonstrated the practicability of using the cognitive modelling apparatus in the context of analysis of the problematic aspects of criminology. It is noted that the most common cognitive model used by an analyst as a generic prototype or “mental model” of the process of self-determination of crime is a model in the form of a simple circuit with positive feedback. The level of system self-determination in the model is determined by the degree of semantic and causal integration of factors. We have introduced a cognitive model of the process of self-determination of crime based on crime accelerators. It is shown that an increase in additional circuits based on crime accelerators leads to an increase in the potential for self-determination of professional crime. We have developed a cognitive model of the process of self-determination of crime with a cumulative circuit. New nodes of critical interactions are formed in it that are interconnected by a complex system of direct and inverse correlations and provoke an increased danger to society and criminogenic nature of its social and political dynamics. It is noted the importance of the apparatus of cognitive analysis, which allows making the transition from the construction of particular models to the creation of a new conceptual-categorical and conceptual apparatus, on the basis of which the methodological construct to counteract the growth of professional crime will be built.

* Статья подготовлена в рамках выполнения внутреннего гранта Южного федерального университета (ВнГр-07/2017-20)
The article was prepared as part of the implementation of the internal grant of the Southern Federal University (VnGr-07/2017-20)

Key words: analysis, crime, cognitive models, self-determination, feedback, crime accelerators, cumulative circuit.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-30-2-117-122

Когнитивная аналитика в настоящее время все более актуализируется как в связи с расширением прикладных областей исследования [1, 2, 3], так с методологическим осмыслением достигаемых результатов [4, 5]. Настоящую статью следует рассматривать как стремление к распространению методологии когнитивной аналитики в сферу криминологии, общей теории преступности и преступлений, в частности, анализа социальных факторов преступности, причин и последствий преступлений. Именно в таком контексте в статье рассматривается организованная преступность, опирающаяся на самодетерминацию как на внутренний источник своего воспроизводства [6, 7, 8]. Такой подход к анализу предполагает изменение содержания понятия самодетерминация, и, соответственно, интерпретации его в контексте решаемых общей теорией предупреждения преступности проблем.

В работе предлагается исследовать указанные концепты с использованием методологии модельного представления и интерпретации, в частности, когнитивными моделями. В качестве ин-

струментария формализации используется когнитивная модель, определяемая в теории графов как знаковый орграф [1, 2, 3, 4 5].

Как известно, преступность зависит не только от ряда социальных причин и условий [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12], но и сама порождает, воспроизводит новые антиобщественные акты, т.е. происходит процесс самодетерминации преступности. На рис. 1 представлена когнитивная модель процесса самодетерминации преступности. Модель отображает самую распространенную форму проявления процесса самодетерминации преступности. Одно удачно совершенное, нераскрытое или неучтенное преступление (в модели – это фактор *Латентная преступность*) чаще всего порождает другое (в модели – это фактор *Воспроизводство преступлений*). Именно на этой основе существует *профессиональная преступность*, деятели которой превращают совершение преступлений в постоянный промысел, в *преступный образ жизни* (см. рис. 1).

Рис. 1. Исходная когнитивная модель процесса самодетерминации преступности

Одновременно модель представляет собой самый распространенный мыслительный образ, используемый аналитиком в качестве обобщенного прототипа, или «мыслительной модели» развития, т.е. простой контур с положительной обратной связью. В этом случае контур составляют все факторы (концепты), описывающие проблему самодетерминации в преступности. Факторы, входящие в контур, образуют простой путь, т.е. такую направленную последовательность вершин, в которой все вершины различны, кроме первой и последней. Эта вершина и является целевым фактором (например,

Профессиональная преступность). Положительная обратная связь вызывает изменение состояния системы (усиление тенденции, «раскрутку маховика» и т.п.). Таков исходный мысленный образ проблемной ситуации [1, 5]: от одного латентного преступления к преступному образу жизни.

С точки зрения когнитивной аналитики модель представляет собой систему структурно-динамического описания процесса самодетерминации преступности, где причинно-следственные связи между факторами модели отражают казуальность интеграции, а логико-

смысловая связь выражается в целевой организации контура с положительной обратной связью или контура самодетерминации преступности [13]. Интерпретируя логико-смысловое как структурное, а каузальное – как динамическое, получаем возможность анализа феномена самодетерминации. Чем же определяется внутренний потенциал системы, позволяющей ей успешно противостоять внешним влияниям или при отсутствии внешних управлений осуществлять развитие в целевом направлении? Ответ находим в следующей выявленной Питиримом Сорокиным [14] закономерности: «При прочих равных условиях (включая и внешние) самодетерминация в определении своей собственной судьбы (как и автономия от окружающей среды) тем сильнее, чем сильнее и качественнее степень интеграции». То есть уровень самодетерминации любой системы и потенциал развития в целевом направлении прямо пропорциональны степени смысловой и каузальной интегрированности ее элементов.

При проведении анализа с помощью когнитивных моделей исследователю необходимо осуществлять оценку каузальной интегрированности элементов рассматриваемой системы или процесса, что позволит не только определять уровень самодетерминации системы, но и на основании оценки потенциала развития прогнозировать достижение поставленных целей. Представленная модель, безусловно, обладает самым низким потенциалом самодетерминации, т.к. каждый фактор имеет по одной (единственной) причинно-следственной связи, обеспечивающей логико-смысловую нацеленность на искомый результат. Однако в научной литературе описаны различные факторы и схемы, используемые преступным сообществом для повышения потенциала. На рис. 2 представлена когнитивная модель процесса самодетерминации преступности на основе акселераторов преступлений.

Рис. 2. Когнитивная модель процесса самодетерминации преступности на основе акселераторов преступлений

В [7] описана схема самодетерминации преступности путем совершения «вспомогательных», «подсобных» преступлений, которые затем неминуемо влекут за собой основные. Такими «подсобными» преступлениями являются, например, подделка документа для последующего использования в целях хищения или иного преступления; приобретение оружия для совершения убийства; захват человека для изъятия органов или тканей, пригодных для трансплантации, и др. Одно преступление порождает другое (*воспроизводство преступлений*), и это неизбежно сказывается на всей криминогенной обстановке.

Такой дополнительный контур включает три фактора базового контура: *воспроизводство преступлений*, *профессиональную преступность* и *преступный образ жизни* и вновь вводимый фактор *вспомогательную преступность*. В когнитивной аналитике предлагается называть подобную схему циклом роста, а факторы, способствующие формированию циклов роста, — акселераторами роста [2, 3]. В данном контексте предлагается называть их «акселераторами преступлений». Акселератор преступлений генерирует новый цикл роста, способный обеспечить увеличение казуальной и логико-смысловой интеграции. Схема объединяет два контура с положительной обратной связью. Три

фактора оказываются включенными в два положительных контура, чем, собственно, и достигается усиление потенциала самодетерминации. Таким образом, акселератор преступлений становится важным элементом в самоорганизации профессиональной преступности. Причем, наибольший эффект достигается, когда акселератор формирует эффективную комбинацию контура с акселератором с базовым контуром. Следует, видимо, обратить внимание на образование двух многосвязных узлов. Первый из них – *преступный образ жизни* – порождает как следствие уже не только изменение фактора *латентная преступность*, но и наполнение фактора *вспомогательная преступность*. В свою очередь, фактор *воспроизводство преступлений* интегрирует последствия проявления факторов *латентная преступность* и *вспомогательная преступность*.

Кроме указанной схемы в [6–12] описаны также факторы гиперлатентной преступности, к которой относят необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, необоснованное их прекращение, коррупцию в правоохранительных органах и судебной системе, избрание меры пресечения, не соответствующей требованиям закона и сложившейся следственной ситуации и т.п. Каждый из указанных факторов может быть встроен в

виде акселератора *гиперлатентной преступности* в дополнительный контур модели, наращивая потенциал самодетерминации (см. рис. 2). При этом возможно формирование потенциально мощных систем с множеством циклов роста профессиональной преступности. Чем больше таких дополнительных контуров, тем выше потенциал самодетерминации профессиональной преступности. Однако описанная модель представляет и очевидные механизмы противоборства повышению потенциала самодетерминации. Необходимо своевременно выявлять и устранять соответствующий акселератор преступности, разрушая дополнительные циклы профессиональной преступности.

Более сложные схемы организации профессиональной преступности обладают и более ощутимой синергией роста преступности. Для сильного цикла роста формируется комбинация из нескольких петель положительной обратной связи, эксплуатирующих криминальные эффекты. На рис. 3 приведена когнитивная модель процесса самодетерминации преступности с кумулятивным контуром преступности. В [6, 7] представлены важнейшие факторы, инициирующие формирование наиболее опасного в организационном плане эффекта кумуляции преступности. Это факторы *преступное сообщество* и *аномия*.

Рис. 3. Когнитивная модель процесса самодетерминации преступности с кумулятивным контуром преступности

Преступное сообщество порождает целый «букет» различных преступных действий. Например, если преступное сообщество занимается хищением и перепродажей краденых автомашин, то в процессе этой деятельности для него становятся необходимыми подлоги документов, уничтожение идентифицирующих автомашину знаков, подкуп разных чиновников, уклонение от уплаты налогов, нередко — таможенные нарушения, контрабанда, а

подчас и избавление от конкурентов путем шантажа или заказного убийства [6–12]. Так называемая *аномия* в поведении граждан, при которой они не верят в нормы права и морали и легко склоняются к противоправному, в том числе и преступному поведению, ориентируясь на безвластие и слабую эффективность правоохранительной системы. Таким образом, уже само расширение преступности вызывает ее дальнейший рост; она становится, к

сожалению, достаточно привычной формой существования в обществе.

Обратим внимание, что каждая петля положительной обратной связи по своей природе является самовоспроизводящейся, а объединенные, они многократно усиливают действие друг друга. Отличием когнитивной модели является дополнение базовой модели на основе кольцевого контура с четырьмя базовыми факторами еще тремя контурами с включенными в них (по одному) акселераторами преступности (*латентная преступность, преступное сообщество и аномия*). Каждый из акселераторов образует комбинацию с соответствующими тремя базовыми факторами, чем обеспечивается усиление потенциала. Итак, мы имеем дополнительную трехконтурную интеграцию причинно-следственных (казуальных) связей модели, обеспечивающих логико-смысловую нацеленность на искомый результат. Но принципиальным отличием модели является образование еще одного дополнительного контура, охватывающего по касательной (проходит через два базовых фактора: *профессиональная преступность* и *латентная преступность*) базовый контур. Контур является кумулятивным, теперь он определяет рост уровня самодетерминации *профессиональной преступно-*

сти и латентной преступности. Базовый четырехфакторный контур трансформируется в самодостаточный двухфакторный кумулятивный контур, способный с угрожающей силой раскрутить маховик преступности. Когнитивная модель с кумулятивным контуром демонстрирует при соблюдении логико-смысловой нацеленности на искомый результат кратный рост уровня самодетерминации. В ней формируются новые узлы критических взаимодействий, взаимоувязанные сложной системой прямых и обратных корреляций и провоцирующие повышенную опасность для общества и криминальный характер его социально-политической динамики. В последние годы внешняя очевидность такого рода социальных рисков и угроз постепенно утрачивается, приобретает латентный характер, что не делает их менее опасными. В этих условиях востребован аппарат когнитивного анализа, позволяющий осуществить переход от построения частных моделей к созданию нового понятийно-категориального, а также концептуального аппарата, на базе которого и будет строиться методологический конструкт противодействия росту профессиональной преступности.

Литература

1. Gurba V.N., Dyuzhikov S.A., Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P. Cognitive Approaches to the Generalized Analysis of Geopolitical Conflicts // International Journal of Pure and Applied Mathematics. Volume 119. № 17. 2018, 1459-1463. url: <http://www.acadpubl.eu/hub/> (дата обращения: 24.03.2019).
2. Tarasenko L.V., Rosin M.D., Svechkarev V.P., Avanesyan K.A. Cognitive Analysis in the Context of Media Education: An Oriented Graph Modeling Approach. Media Education, (Mediaobrazovanie), 2018, 58(4): 130-137. URL: http://ejournal53.com/journals_n/1544017213.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
3. Розин М.Д., Малюга А.Л., Свечкарев В.П. Модели формирования интеграционных проектов на основе точек роста субъектов Южного федерального округа // Инженерный вестник Дона. 2018. №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2018/5225 (дата обращения: 24.03.2019).
4. Maitra S., Banerjee D. (2014). Application of Fuzzy Cognitive Mapping for Cognitive Task Analysis in Mechanised Mines. IOSR Journal of Mechanical and Civil Engineering (IOSR-JMCE), Volume 11, Issue 2 Ver. I, pp. 20-28.
5. Розин М.Д., Рябцев В.Н., Свечкарев В.П., Тумакова Ж.А. Концептуальные модели противодействия геополитическим конфликтам // Научная мысль Кавказа. 2018. №3. С. 28–32.
6. Бочкарева Е.В. К вопросу о формах самодетерминации преступности // Вестник ЧелГУ. Серия: Право. 2017. Т. 2. № 4. С. 70–71.
7. Макаров В.В. Самодетерминация преступности посредством ее организованных форм // Поволжский педагогический поиск, 2013. № 4 (6). С. 142–144.
8. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально психологический анализ. М.: Норма; ИНФРА М, 2011. 128 с.
9. Шапиев С.М. Усиление правоохранительных функций избирательных комиссий в борьбе с проникновением криминала во власть // Юридический вестник ДГУ. 2015. №1. С. 98–103.
10. Юсов С.В. Развитие конституционных норм об избирательном праве и практика злоупотребления правом // К 20-летию Конституции Российской Федерации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2013. С. 57–65.
11. Гусейнов К.М. Социальные основы экстремизма и терроризма в республике Дагестане// Юридический вестник ДГУ. 2015. №1. С. 84–88.
12. Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Детерминанты преступного поведения личности // Юридический вестник ДГУ. 2016. №3. С. 140–145.
13. Дурин В. П., Семенов В.А. Конфликт как социальное противоречие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 470 с.

14. *Сорокин Питирим*. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: пер. с англ., комментарии и ст. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

References

1. *Gurba V.N., Dyuzhikov S.A., Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P.* Cognitive Approaches to the Generalized Analysis of Geopolitical Conflicts // International Journal of Pure and Applied Mathematics. Volume 119. № 17. 2018, 1459-1463. url: <http://www.acadpubl.eu/hub/> (data obrashcheniya: 24.03.2019).
2. *Tarasenko L.V., Rosin M.D., Svechkarev V.P., Avanesyan K.A.* Cognitive Analysis in the Context of Media Education: An Oriented Graph Modeling Approach. Media Education, (Mediaobrazovanie), 2018, 58(4): 130-137. URL: http://ejournal53.com/journals_n/1544017213.pdf (data obrashcheniya: 24.03.2019).
3. *Rozin M.D., Malyuga A.L., Svechkarev V.P.* Modeli formirovaniya integratsionnykh proektov na osnove tochek rosta sub"ektov Yuzhnogo federal'nogo okruga // Inzhenernyi vestnik Dona. 2018. №4. URL: [.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2018/5225](http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2018/5225) (data obrashcheniya: 24.03.2019).
4. *Maitra S., Banerjee D.* (2014). Application of Fuzzy Cognitive Mapping for Cognitive Task Analysis in Mechanised Mines. IOSR Journal of Mechanical and Civil Engineering (IOSR-JMCE), Volume 11, Issue 2 Ver. I, pp. 20-28.
5. *Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P., Tumakova Zh.A.* Kontseptual'nye modeli protivodeistviya geopoliticheskim konfliktam // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2018. №3. S. 28–32.
6. *Bochkareva E.V.* K voprosu o formakh samodeterminatsii prestupnosti // Vestnik ChelGU. Seriya: Pravo. 2017. T. 2. № 4. S. 70–71.
7. *Makarov V.V.* Samodeterminatsiya prestupnosti posredstvom ee organizovannykh form. // Povolzhskii pedagogicheskii poisk, 2013. № 4 (6). S. 142–144.
8. *Eminov V. E.* Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskii i sotsial'no psikhologicheskii analiz. M.: Norma; INFRA M, 2011. 128 s.
9. *Shapiev S.M.* Usilenie pravookhranitel'nykh funktsii izbiratel'nykh komissii v bor'be s proniknoveniem kriminala vo vlast' // Yuridicheskii vestnik DGU. 2015. №1. S. 98–103.
10. *Yusov S.V.* Razvitie konstitutsionnykh norm ob izbiratel'nom prave i praktika zloupotrebleniya pravom // K 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2013. S. 57–65.
11. *Guseinov K.M.* Sotsial'nye osnovy ekstremizma i terrorizma v respublike Dagestane// Yuridicheskii vestnik DGU. 2015. №1. S. 84–88.
12. *Churilov S.N., Grudin N.S.* Determinanty prestupnogo povedeniya lichnosti // Yuridicheskii vestnik DGU. 2016. №3. S. 140–145.
13. *Durin V. P., Semenov V.A.* Konflikt kak sotsial'noe protivorechie. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2008. 470 s.
14. *Sorokin Pitirim*. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii: per. s ang., kommentarii i st. V.V. Sapova. SPb.: RKhGI, 2000. 1056 s.

Поступила в редакцию 29 апреля 2019 г.
Received 29 April, 2019